

Sergey Gavrov

Russian Federation

Государственная культурная политика в контексте европейского опыта и консервативного отката / *State Cultural Policy in the Context of European Experience and Conservative Rollback*

Abstract

It is analyzed how sociocultural and demographic transformations in the European region influence the tendencies of the state cultural policy. The correlation of elitist and mass culture, activity of the mass consumption society in the sphere of culture is considered. Comparison of general and excellent in the state cultural policy of Russia and European countries is given. The characteristics of the current state cultural policy in the European region, its individualization, variability, departure from mass ideology, militaristic and ideological intentions are emphasized. A modern state cultural policy in Russia is considered in the context of a general conservative pullback, and an attempt is made to use it as a substitute for the state ideology banned by the Constitution of the Russian Federation. Attention is focused on the need to intensify regional cross-border cultural cooperation in the field of preserving natural and cultural heritage in the Baltic and northwestern regions of Russia.

Keywords: state cultural policy, culture, regional, cross-border cooperation, sociocultural, demographics, post-industrial, ideology, conservative retreat, constitution, St. Petersburg, Kaliningrad, Vyborg, Karelia.

Государственная культурная политика, как часть политики, меняется вместе с ней в различные периоды. Изменения эти носят страновой, региональный и глобальный характер, условную временную рамку которых задает деление на аграрное, индустриальное и постиндустриальное (информационное) общество. Понятно, что это достаточно условная классификация, что различные страны неравномерно продвигаются по пути модернизации, что модернизационные социокультурные взлеты, как, например, в Иране 1960-х годов, сменяются последующими глубокими падениями. Это многообразие страновых и региональных политических процессов создает пеструю политическую карту мира, с исторически зна-

чимой тенденцией перехода к демократии. Несмотря на все политические зигзаги, демократия стала наиболее распространённой формой политических режимов, порождающая ее демократизация сопряжена с актуализацией модернизационных потенций культуры [1; 38–54] и проведением соответствующей им государственной культурной политики.

Что же происходит с культурой в рамках наиболее модернизированных западных обществ? Насколько важна культура в жизни общества, в его историческом воспроизводстве и актуализации различных элементов культурного наследия?

В эгалитарных обществах модерна XIX и первой половины XX века культурные отличия были важны, они служили своеобразным маркером социальной иерархии, ее подтверждением на уровне габитуса [2; 39]. Определяя эти отличия как отличия габитуса, по которым мы относим человека к «своим» или «чужим», что позволяет, например, отличать тех, кто находится вверху социальной пирамиды, от тех, кто составляет массу в ее основании.

Естественно, нужно сделать поправку на сегодняшнюю масштабную горизонтальную и менее масштабную вертикальную мобильность, новые технологии, Интернет и криптовалюты, размывающие традиционную структуру общества, делающие ее более неопределенной и потому более свободной. Но эта свобода относительна. Так, Р. Норт в книге «Институты, институциональные перемены и экономическая деятельность» описывает «неформальные преграды», мешающие институциональной эволюции и исходящие от «социально передаваемой информации, представляющей собой часть наследия, которое мы называем культурой... Это укорененная в языке концептуальная основа, позволяющая интерпретировать информацию, получаемую мозгом от органов чувств» [3; 30].

Антиподом массовой культуры выступает элитарная, или высокая культура, на которой основывается габитус элиты в странах с укорененной культурной и демократической традицией, например в Великобритании. Высокая культура служит важнейшим механизмом институционализации, за счет которой «формирует габитус актора. Это и есть та самая диспозиция, которая повторяется на практике и закрепляется существующим стилем жизни...» [4; 39]. Стил жизни в свою очередь проявляется в особенностях картины мира, потребления и творчества во всех сферах, в том числе в сфере культуры. Так, произведения классической музыки, Баха или Чайковского не получают такого же массового распространения не потому, что они недоступны или дороги, но потому, что потребность обращаться к ним является прерогативой наследственной западной элиты и интеллигенции в ее российском понимании, их «знаком отличия», их габитусом.

Вопрос тенденций в демографической ситуации, экономических и социально-культурных причинах, ее обусловивших, имеет самое непосредственное отношение к политике вообще и государственной культурной

политике в частности. Пример в этом отношении дает нам послевоенная Западная Европа, построившая общество потребления, реализовавшая для массы своих граждан «европейскую потребительскую мечту». Мечта европейцев о хорошей жизни не ограничивалось лишь потреблением благ материальной культуры, распространяя потребление и на блага культуры духовной. Во многом это желание идет от соотнесения со вкусами буржуазии, элиты, сохраняющей генетическую связь с дворянской культурой.

Соотнесение это может состоять в принятии или бунте против элитарных культурных представлений и вкусов в рамках ревизии ценностей, проводимой каждым новым поколением европейцев. Механизмом такой трансляции и ревизии служат СМИ, информационные сети в рамках Интернета, рекламные и PR-кампании элитарных брендов. Эта полифония информационного воздействия способствует широкой общественной диффузии элементов высокой, сегодня преимущественно буржуазной, культуры и многовариантных проявлений контркультуры. В области пересечения этих культурных трансляций выстраивается новая усредненная культурная нормативность, разделяемая массой, – массовая культура, хорошо монетизируемая и легкоусвояемая в массовом масштабе.

Хорошо здесь уже то, что культурный продукт среднего сегмента (массмаркет в культуре) получает массовый потребительский спрос, порождая желание соотносить свое потребительское поведение и быт с задаваемыми культурными стандартами. Это меняет человека масс, делает его успешным потребителем, который все менее думает о любых социальных общностях, начиная с семьи и заканчивая государством и нацией.

В XX веке ускоряется изменение существующего стиля жизни, меняется модель демографического воспроизводства населения в Европе, новой социально-демографической нормой становятся нуклеарная семья с одним ребенком, позднее вступление в брак, массовое безбрачие [5; 352]. Иными словами, здесь, как и в экономике, происходит радикальный переход от количества к качеству, от экстенсивности к интенсивности.

В этом переходе наблюдается проявление закономерности, связывающей господствующую модель воспроизводства населения и актуальную государственную культурную политику. Так, изменение этой модели в XX веке в Европе привело к существенному росту уровня образования и доходов европейцев. Нормативной для западных европейцев стала семья с одним ребенком с хорошим, часто очень хорошим образованием. И это не только профессиональная подготовка, связанная с инвестициями, финансовой сферой и ее юридическим сопровождением. В своем максимальном воплощении эта тенденция выражается в получении элитарного образования, когда многие молодые европейцы стали получать профессии гуманитарной сферы, включая массовую, сверх потребностей рынка, подготовку искусствоведов и историков искусства, тем самым развивая себя и улучшая качество общества [6; 129–148].

Конечно, эти изменения европейской жизни не стоит списывать исключительно на изменения в демографическом поведении европейцев, но все же они удивительно точно совпали с переходом к постиндустриальной экономике, с локализацией трудоемких процессов и постепенным исчезновением огромных промышленных предприятий. В Европе с Запада на Восток прошла массовая деиндустриализация, предприятия мигрировали в страны с более дешевой рабочей силой, благодаря автоматизации оставшиеся смогли выпускать сопоставимые объёмы продукции при помощи несравнимо меньшего числа работников.

Эта историческая макротенденция задает рамки актуальной государственной культурной политики, делает ее более индивидуальной, вариативной, менее массовидной, милитаристской и идеологизированной. Одно дело, когда государство нацеливает культурную политику на «человека масс» индустриальной эпохи с регулированностью, иерархиями, легкой заменимостью работников, другое с более плюралистичным и индивидуалистичным, нацеленным на индивидуальный успех обществом постиндустриальной эпохи. В русле этих общих макросоциальных и социокультурных изменений постепенно менялась и государственная культурная политика.

В 1970-е годы многие страны Европы начинают поиск новой культурной политики, основанной на идее удовлетворения потребностей не среднестатистического человека масс, а конкретного человека, живущего в собственном географическом, историческом и социокультурном контексте. Лозунг «культура для всех» трансформируется в утверждение «культура для каждого». В Мехико в 1982 г. прошла представительная международная конференция по культурной политике, резюмировавшая обсуждение фразой: «Культура является основополагающим элементом жизни каждого человека и каждого общества». Пересмотр массовидной культурной политики индустриальной эпохи вышел на уровень транснациональных институтов, ООН приняла решение о проведении в 1988–1997 годах «Десятилетия всемирного развития культуры». Регионализация, обращение к конкретному человеку, поддержка культур этнических меньшинств, частные и государственные инвестиции в культурные проекты стали частью культурной политики постиндустриальных обществ, способствуя общественному развитию и экономическому росту.

Повторюсь, что речь идет о изначально европейских, а затем и мировых тенденциях, с тем или иным опозданием распространяющихся в России, – неотъемлемой части Европы и европейской культуры. В постсоветский период Россия осознанно пошла по пути восстановления собственной европейскости, идейного и институционального приобщения к западному миру, усвоения практического опыта европейских социокультурных проектов. В области культуры это движение характеризовалось запретом цензуры на конституционном уровне, многочисленными социокультурными проектами, расширением международного культурного сотрудничества, прежде всего со странами ЕС.

В качестве примера такого сотрудничества можно выделить социокультурную часть проекта «Северное измерение», включающую «Партнерство для модернизации Россия – ЕС» и приграничное сотрудничество Россия – ЕС [7]. Это позитивный пример европейского регионального сотрудничества, посредством которого происходит неформальная интеграция России в европейское культурное, природоохранное, образовательное пространство. Не случайно что регионами, наиболее вовлеченными в этот процесс, стали западные и северо-западные регионы страны, Санкт-Петербург, Калининград, Архангельск, Петрозаводск... Заметим, что регионализация культурного взаимодействия соответствует современным тенденциям в европейской культурной политике.

В 2014 г. в России Указом Президента РФ принимаются «Основы государственной культурной политики», в 2016 г. Правительством России принимается «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.». Принятые в этих документах основы государственной культурной политики определяют культуру как один из национальных приоритетов, указывая на ее важность для социально-экономического развития Российской Федерации, улучшения качества жизни и гармонизации общественных отношений, рассматривая ее как важнейший фактор сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны.

В свое время эксперт в области государственной культурной политики Л.Е. Востряков в разных формах задавал вопрос о том, «каким путем следует идти России уже в ближайшем будущем, исходя из понимания того, что общего и специфического есть в культурной политике России и стран Европы», полагая, что он может быть решен путем «сравнительного анализа концептуальных основ государственной культурной политики и мер по ее практической реализации, как это видят сами субъекты культурной политики» [8; 143с; 166–178; 140–155]. Но все оказалось проще и сложнее одновременно. Стратегия культурной политики определена, но что она означает на деле – определяется в процессе ее перманентной актуализации и-трактовки.

Сегодня наступило характерное после окончания большой революции и укоренения новых экономических и социокультурных отношений время консервативного отката – большей бюрократизации, формализации жизни, усиления роли государства во всех сферах жизни, частичного возвращения в прошлое. Отсюда призывы ограничить массовость получения высшего образования, идти учиться на рабочие специальности, т.е. воспроизводить традиционную пирамидальную структуру индустриального общества, возвращения воспитания в его советских и околосоветских формах [9; 21–30]. В определенной мере с макропроцессами консервативного отката связаны и призывы к увеличению рождаемости, когда о человеке вновь вспоминают как о массовой рабочей силе и потенциальном мобилизационном ресурсе.

Изменения в актуальной политике, связанные с консервативным откатом, затрагивают не только сферы образования и демографии, но проявляются в государственной культурной политике. Она также в той или иной степени приобретает черты культурной политики индустриального общества. Для нас индустриальное общество – это общество СССР с его гигантскими заводами, стройками, ВПК и обслуживающей этот конгломерат коммунистической идеологией и идеологизированной государственной культурной политикой. В старших поколениях российского общества мы до сих пор имеем дело с социальным капиталом, наработанным в годы советской власти, с последствиями уникального социального эксперимента по государственной нормативности высокой культуры, с постсоветским переходом к нормативности массовой культуры. Этот переход от государства «прогрессора», цивилизующего, облагораживающего общество посредством высокой культуры и искусства, вызывает сегодня статистически измеримую ностальгию по временам СССР. Но одно дело такое эфемерное явление, как ностальгия по временам СССР, другое дело – попытка практического возвращения туда.

Отличия экономической и социокультурных реалий сегодняшней России и СССР велики, да и прошло уже более 25 лет. Мы не будем подробно разбирать здесь эти отличия, отметим главное: СССР держался на коммунистической государственной идеологии, сегодня государственная идеология прямо запрещена Конституцией РФ. Это серьезное юридическое ограничение от прямого возвращения назад, к государственной культурной политике времен СССР в ее ангажированной коммунистической партией идеологической части. Сегодня другое время, другой экономический уклад, трансграничное информационное пространство, свобода перемещения людей, товаров, идей. Это также на сущностном уровне закрывает возможность по возвращению назад, в СССР.

Остается возможность актуализации отдельных элементов советской политики, в том числе в сфере культуры, которые пытаются использовать сегодня, с поправкой на изменившиеся реалии жизни страны. Из востребованного советского наследия следует выделить патриотику в культуре, служащую целям военно-патриотического воспитания, когда особое значение в культуре получает все, связанное с военными периодами в жизни страны: памятники, кино, военная игровая индустрия для молодежи, экскурсии по местам воинской славы...

Мы видим значимое изменение акцентов в культурной политике, например, государственное финансирование патриотики в киноискусстве, поддержку занимающихся разработкой таких проектов режиссеров и нефинансирование других по идейным основаниям. Более того, такая позиция проговаривается в качестве нового-старого концепта государственной культурной политики [10]. Подобную позицию на уровне «слова» министра культуры подкрепляет «дело» на уровне правоохранительных органов, вновь, как в советское время, обративших внимание на знаковых деятелей

российской культуры. Наиболее резонансным эпизодом такого внимания стал арест знакового современного российского режиссера Кирилла Серебренникова. Вне зависимости от содержательной стороны дела, с ним связанного, он стал рубежным событием для российской культуры, стал выставлением рамок дозволенного, внешней настройкой внутренних цензурных рамок деятелей культуры, интеллигенции вообще. Несмотря на то что этот арест формально не имеет отношения к актуальной государственной культурной политике в России, неформально он имеет к ней самое прямое отношение. Это почти прямой содержательный и стилистический ремейк из времен СССР, попытка актуализации карательных элементов из арсенала советской культурной политики в отношении деятелей культуры и искусства.

Если рассматривать эту ситуацию шире, включая неформальное оцерковление государственной культурной политики, сужение музейного пространства вследствие распространения механизмов реституции бывшей церковной собственности на такие знаковые объекты культурного и музейного наследия, как Исаакиевский собор, то аналогии с культурной политикой СССР станут еще более отчетливыми.

Иными словами, сегодня мы видим неформальную попытку обойти конституционный запрет на государственную идеологию, поставив на ее место идеологически трактуемую оцерковленную государственную культурную политику. Идеологически трактуемую не столько на уровне программных документов, сколько актуальных, формально и неформально поддерживаемых практик в сфере культуры и искусства.

В этой замене таится опасность не только в отношении настоящего, но и в отношении будущего. В 1991 году в СССР, с точки зрения демократической общественности, во всем плохом были виноваты КПСС, коммунистическая идеология, КГБ. Но российская история полна удивительных зигзагов и радикальных смен курса, когда вчерашнее «черное» становится «белым», и наоборот. И в условном «202...» году новый ряд «виновных» может включать в себя и авторов конъюнктурно актуализированной культурной политики сегодняшнего дня.

В то же время сегодня невозможностью воплотить стройную и всеобъемлющую государственную политику по возвращению назад [11; 505–530; 269с.]. Да и возвращаться некуда, есть советская мифология, но нет СССР. Возвращаться в пустоту нельзя, но можно идти вперед, проводя взвешенную, избегающую идейных крайностей, развивающую личность и общество государственную культурную политику, осуществляемую в рамках демократического общества.

Вместо бесплодного использования элементов государственной культурной политики в сиюминутной политической борьбе лучше сохранять культурное и природное наследие, поддерживать театры, библиотеки и музеи, развивать региональное трансграничное культурное сотрудничество.

Восстанавливать не только православные храмы и монастыри, но вместе с Финляндией восстанавливать наследие Выборга и северного модерна в Карелии, вместе с Германией – историческую часть Калининграда и области, все то, что имеет отношение к развитию открытой и свободной европейской русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Пер. с англ. под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 38–54.
2. Бегенхолд Д. Социальное неравенство и социология стиля жизни. Материальные и культурные аспекты социальной стратификации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2002. – № 3. – С. 37–40.
3. Харрисон Л. В чем значение культуры? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 15–37.
4. Бегенхолд Д. Социальное неравенство и социология стиля жизни. Материальные и культурные аспекты социальной стратификации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2002. – № 3. – С. 37–40.
5. Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: Макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография. – М.: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. – 352 с.
6. Фукаяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона; Пер.с англ. А.Захарова. (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. – New York: Basic Books, 2000). – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 129–148.
7. Совместное заявление третьей министерской встречи обновленного «Северного измерения», Брюссель, 18 февраля 2013 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации // Министерство иностранных дел РФ: [сайт]. 19.02.13. URL: http://www.mid.ru/severnoe-izmerenie/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/122042 (Дата обращения: 16.12.2017)
8. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: Понятия и модели: Монография. – СПб.: СЗИ РАХНИГС, 2011. – 343 с.; Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: Когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 2. – С. 166–178; Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: От патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. – С. 140–155.
9. Гавров С.Н., Никандров Н.Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник университета Российской академии образования. – № 5 (43). 2008. – С. 21–30.
10. Государство не будет финансировать фильмы про «Рашку-говняшку» // СПб. Собака: Интернет-журн. 10.12.2014. URL: <http://www.sobaka.ru/city/cinema/31785> (Дата обращения: 17.12.2017.)
11. Гавров С.Н. Социокультурные трансформации постсоветской России // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. – М.: Наука, Научный совет РАН «История мировой культуры» 2007. – С. 505–530; Гавров С.Н. Модернизация России: Постимперский транзит. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с